

Мы уже сообщали о том, что режиссеры поколения, идущего на смену старшему и наступающего на пятки среднему, к 100-летию кино задумали снять свой фильм-манифест под оригинальным названием «Прибытие поездов». Стоять он будет из пяти новелл. Авторами их должны были стать победители «Номинаций XXI век» — конкурса, прошедшего зимой 1994 года на ялтинском Кинофоруме (см. «ЭС» № 5, 1994). Сейчас состав манифестантов отчасти изменился, но Владимир Хотиненко свою новеллу снимает. По мотивам Феллини и по сценарию Валерия Залотухи, фрагмент которого мы предлагаем вашему вниманию. Полностью он будет опубликован в журнале «Киносценарии» № 2 за этот год.

История эта началась холодным осенним вечером прямо на улице, на Тверской, бывшей Горького, у дома № 17 рядом с банком «Хелп», где за стеклом витрины стоят сразу девять телевизоров: один, посредине, большой, вокруг него восемь маленьких, а внизу стальными буквами написано таинственное и красивое слово «Кросна». И по каждому из телевизоров что-нибудь шло, а по самому большому показывали немое кино — «Политого поливальщика».

Отсюда, с улицы смотрели его двое: он и она. И кино им очень нравилось. Он искренне и просто душоно гыгыкал, а она, приоткрыв рот, смотрела на большой экран, не моргая. Странная это была пара. Он — щупловатый, одетый, как одеваются провинциальные сорокалетние пижоны с уголовным уклоном. На нем были грязные, но с наведенной стрелкой брюки, узконосые туфли, какие раньше продавали на базарах армяне, потерявшая из кожаных куртки, под которой была цветастая сорочка, а под ней еще и разболтанный на шее грязный свитер. Правда, его волосы перехватывала ленточка тесьмы, как у хиппи, что было, без сомнения, влиянием столицы, однако деталь эта делала его еще более провинциальным. Да за спиной его, на ремне, был какой-то музыкальный инструмент в твердом футляре, похоже, аккордеон.

Он был странен, но она, его спутница, была еще страннее. В смысле — со странностями. Она смотрела известный люмьеровский сюжет, как малый ребенок смотрит впервые какой-нибудь «Ну, погоди!», она не дышала, у нее замерло сердце. Старый шерстяной платок сбился на спину, и медно-красные ее волосы рассыпались по плечам, по грязному залосканному плащу, подвязанному на широкой талии мужским брючным ремнем. На ногах ее в нитяных сморщенных чулках были большие армейские ботинки. Неожиданно в ее глазах возникло мгновенное смятение, и она обратилась к нему голосом высоким и по-детски чистым:

— Яша, а Пимы где?

Не отрываясь от телевизора и продолжая гыгыкать, спутник махнул в сторону «Маяковки», указывая на невидимые и неведомые Пимы. Она внимательно посмотрела туда и перевела успокоенный взгляд на экран.

Разумеется, в том, что в центре Москвы стоит у витрины и смотрит на халюгу телевизор пара бродяжек, ничего странного и необычного нет, эти люди в Москве встречаются теперь очень часто, они так же обычны, как и сами москвичи. Но дело-то в том, что эти двое не были бродяжками, это чувствовалось, необъяснимо ощущалось. В этом, пожалуй, и была их главная странность и необычность.

Когда сюжет кончился, он взглянул на нее насмешливо и хозяйски-грубовато заметил:

— Любишь ты, Шурка, все-таки кино смотреть. Она кивнула в ответ виновато и стыдливо и призналась:

— Люблю...

Он поправил на плече свою музыкальную ношу, глянул с прищуром в сторону Кремля и пошел — быстро и деловито. Она испуганно глянула ему вслед, потом на экран, потом туда, где должны быть эти самые Пимы, потом снова в спину спутника и побежала за ним, смешно переваливаясь с боку на

ВЕК КИНО

бок.

Его звали Яшка. А ее — Шура.

Яшка шел быстро, чуть подавшись вперед, сощурился и глядя вдаль деловито и озабоченно. Шура же, то отставая, то догоняя Яшку, глазела по сторонам и, увидев что-то, на ее взгляд, чрезвычайно интересное, какую-нибудь светящуюся рекламу, витрину, негра, смешную собаку и опять рекламу с чудными непонятными словами, написанными яркими буквами, дергала спутника за рукав и, глядя горящими от удивления глазами, показывала пальцем на удививший ее предмет и говорила:

— Яш, глянь, глянь!

Яшка привычно поворачивался на ходу, смотрел коротко и безразлично, кивал и шел, не сбавляя шага, дальше.

Теперь они шли по Арбату, где, несмотря на день будний и холодный, былолюдно и празднично. Яшка шел впереди, хозяйски и деловито пробивая дорогу через толпу. Глядя по сторонам и оглядываясь, Шура старалась не отставать. И здесь ей было все интересно: художники у мольбертов, продавцы платков и матрешек, танцующие кришнаиты, рок-музыканты и какой-то молодой человек, изображающий из себя неподвижный манекен.

Яшка был здесь как дома.

— Эй, художник, нарисуй портрет! — крикнул он на ходу веселому художнику.

— Плати деньги — нарисую! — дружелюбно ответил тот.

— За деньги я и сам тебе нарисую! — не оборачиваясь закончил привычный диалог Яшка.

Он отдал честь полноватому милиционеру и приятно хлопнул по плечу медведя — человека в плюшевой шкурке, который переминался с ноги на ногу рядом с фотографом.

— Здоров, Витек, — сказал Яшка опять же на ходу.

— Здоров, — недовольно пробурчал медведь в ответ.

Шура опасливо обжала медведя стороной и испуганно кинулась за Яшкой, которого чуть не потеряла в толпе.

— Гля-гля, еврей! — весело крикнул он ей, впер-

Валерий ЗАЛОТУХА

ДОРОГА

(Фрагмент сценария)

вые удивившись и указывая пальцем на седого старичка, который сидел сгорбившись у забора и старательно и неумело выводил на гармонии «семь со-рок».

Они остановились у театра Вахтангова, где было темно, народу поменьше и рядом никто не играл и не пел.

— Чует мое сердце, сегодня пруха будет! — весело крикнул Яшка и растянул меха аккордеона.

Шура откашлялась, вытянулась и напряглась, приговарывая к пению. Яшка играл громко и фальшиво, притоптывая себе в такт ногой. Шура следила за ним с собачьей преданностью и, когда он ей кивнул, запела.

У нее был удивительный голос, очень высокий и необыкновенно чистый. А песня была грустная, горькая и неизвестная, ни разу не звучавшая ни по радио, ни по телевизору. И это все — голос, и песня, и сама Шура привлекали к себе внимание, и потому замедляли шаг и останавливались не только праздные зеваки, но и прохожие. И когда Шура кончила петь, вокруг было уже довольно много народа, и некоторые даже зааплодировали.

— Господа, граждане, товарищи! — задорно, как конференсье, заговорил Яшка, не давая публике остыть. — Дорогие москвичи и гости столицы! Помогите русским беженцам из солнечного Таджикистана добраться на свою историческую Родину! Все мы люди-человеки, все живем в двадцатом веке, сегодня вы мне поможете, завтра я вам помогу! Не откажите! — откуда-то из-под аккордеона он выхватил картонный молочный пакет и, протягивая его, стал обходить публику.

Деньги, хотя и небольшие, давали охотно, и все поглядывали на Шуру, будто не веря, что это она только что так пела.

Когда в коробку опустилась сто долларовая купюра, Яшка остановился. Перед ним стоял полноватый и лысоватый, в модной трехдневной щетине, великомерно одетый господин, а чуть поодаль — холеная красивая госпожа в длинной норковой шубе.

Яшкины глаза были полны внимания.

— Это правда? — негромко спросил господин.

— Пидар буд, командир! — решительно поклялся Яшка и покосился на госпожу. — Заколебали чурки, дом подожгли — еле высочили!

— Она тебе кто? — господин взглянул на Шурку.

Она смущенно улыбалась, пошмыгивая носом и притоптывая на месте.

— Шурка? Да я и сам не знаю... Как это — золотка, что ли. Сестра жены. Нинка моя, когда жива была, привезла ее из деревни, там у нее мать умерла, ну и жила с нами. А потом и Нинка... Уважала это дело, — Яшка щелкнул пальцем себе по шее и засмеялся. — Даже больше меня. А тут эти чурки... Ну вот... А она заладила: в Пимы, в Пимы... Шурка резко повернула голову и посмотрела на

них, как собака смотрит на того, кто назвал вдруг ее кличку.

— Пимы — это что? — не понял господин.

— Деревня ихняя в Архангельской области, — объяснил Яшка. — Да там никого не осталось, мертвая... Я ее в Стерлитамак повез, потом в Йошкар-Олу. В Сыктывкар хотел... У меня там кенты по зоне остались... Хотел кому-нибудь оставить, жалко все-таки... А она по хозяйству безотказная, тяжелую работу любит... Да никто не берет, все переженились, своих бы, говорят, поубивать, — Яшка засмеялся, заглядывая в неподвижные глаза господина. — Ну вот, приехали в Москву, документы на беженцев оформили, денюжат маленько дали... А я не пил давно... Ну и загудел. И документы пропил, грузину одному загнал. Сажу на Казанском без копейки, а она деньги приносит. Представляешь? Я про это не подумал даже, она у нас дева, подумал — украла. Сматываемся, говорю, на Киевский, а она улыбається: «Яш, я пела». «Как пела?» «Так...» Дома-то я ее и не слышал, Нинка-покойница заглушала всех, у нее голосище был — выпл! — он покоился на Шуру, и в глазах его было удивление. — Ну вот, — продолжил он, — я как хотел: сдать ее, пристроить, а сам в Югославию, там марками платят. А теперь, думаю, зачем мне под пули лезть за эти марки, если тут — доллары! Я уж и инструмент под это дело купил... — Он похлопал по боку аккордеона.

Господин смотрел на Яшку с нескрываемым презрением. Яшка не понимал этого, но что-то почувствовал.

— Может, на заказ что желаете? — спросил он, заглядывая господину в глаза. — Я скажу — она и сплещет для вас.

— Пусть поет, — коротко бросил господин, отворачиваясь.

— Есть, командир! — воскликнул Яшка с готовностью и, сунув коробку под куртку, растянул меха аккордеона.

Они сидели друг напротив друга в купе вагона, который куда-то не ехал — это был вагон-гостиница, привокзальная ночлежка для тех, кто имеет немного денег.

Стол был завален едой: копченая курица и колбаса, ананас, рыбные консервы, хлеб, пирожные, початые бутылки водки и кагора.

Шура ела пирожные с детской жадностью до сладкого и запивала кагором, отхлебывая его из стаканчика, как ситро.

— Ешь-ешь, я еще куплю! — подбадривал ее Яшка, ковыряясь в зубах спичкой.

Он был хмельной, потный и добрый.

— Я и так ем, — отвечала она смущенно и счастливо.

Яшка подлил ей кагора.

— Пьяная уж, Яш...

— Пей, пей, крепче спать будешь!

Яшка засмеялся, наливая в стакан водку.

— А этот-то, богат, влюбился в тебя, что ль?

Третий раз приходит! Влюбился, Шур, влюбился!

Шура покраснела как маков цвет, заикалась, замахала рукой, уткнулась в стол.

Яшка выпил водку, большим страшноватым ножом отрезал ломоть ананаса и, закусывая им, объяснил:

— Покурю пойду.

Шура глянула на него встревоженно.

— Яш... — тихо попросила она.

— Чего? — грубо отозвался тот.

— Хочешь — тут кури... — предложила она.

— Тут... Пожара опять хочешь? — глянув строго, спросил Яшка.

Шура замолкла и, сидя в углу, по-собачьи, одними глазами, наблюдала за своим хозяином.

— Приду скоро, — успокоил он грубовато.

Яшка собрался покурить, как на какое-то важное и небезопасное дело: он оправлял брюки и смотрелся в зеркало, прятал в карман нож с выкидным лезвием и пересчитывал деньги.

Хмельно и устало улыбувшись, Шура прилегла на бок и смотрела на него снизу.

— Яш, а зачем ты веревочку на лоб привязал? — тихо и смущенно спросила она.

Яшка с удовольствием посмотрел на себя в зеркало и объяснил:

— Молодежно.

Яшка подошел к стоящим у бетонного забора двум молодым парням-кавказцам в кожаных куртках и высоких норковых шапках и двум покрашенным в блондинок девицам, одетым ярко, дешево и безвкусно. Яшка поздравлялся с кавказцами за руку, приветствуя их на родном языке, вытаскивал из кармана приготовленные деньги и сунул одному. Тот пересчитал.

— Мало, дьган, — сказал он, улыбаясь.

— Почему мало, сорок...

— Пятьдесят.

— Было же сорок.

— Инфляция, — объяснил кавказец.

Яшка покопался в кармане, прогнул еще деньги. Взамен парень протянул железнодорожный ключ.

— Восьмой, — сказал он.

Яшка кивнул, глядя на девушек. Они скалили зубы.

— Плати девяносто, бери два, — предложил кавказец, смеясь.

— Морда треснет — девяносто, — проворчал Яшка и, поманив пальцем девицу, покрупнее, широко зашагал к темным вагонам.

Осторожно открыв дверь, он вошел в свое купе и стал раздеваться.

— Покурить? — тихо спросила Шура.

Она лежала на спине и смотрела в потолок.

— Угу, — кивнул Яшка, тщательно укладывая брюки под свой матрас, чтобы сохранить стрелку.

— Яш, а она красивая, правда? — задумчиво спросила Шура.

— Кто? — удивился Яшка.

— Жена его... Ну этого, который снова прихотился...

Яшка забрался под одеяло и сладко потянулся.

— Прям красивая. Ни сисек, ни жопы.

— Только она меня не любит... Ненавидит прямо, — тихо проговорила Шура.

Яшка захрапел. Шура вздохнула и повернулась на бок.

На большом телевизоре опять показывали смешное кино. Два смешных человека, он и она, два клоуна, ходили по кругу среди смеющихся людей, и у нее в руках было игрушечное ружье. Слов не было слышно, но все равно было смешно, и Шура улыбалась. Ружье выстрелило и сломалось, все на экране засмеялись, и Шура вздрогнула и засмеялась, а потом глянула вбок, чтобы поделиться весельем с Яшей, но его рядом не оказалось. Шура быстро глянула в другую сторону, но и тут его не обнаружила. Она испуганно завертела головой. Яши нигде не было. Лицо ее исказилось, и рот некрасиво скривился.

— Яша, — прошептала она и заревела. — Я-а-ша-а...

Торопливо идущие по тротуару люди смотрели на нее и оглядывались, но никто не останавливался. С залитыми слезами лицом Шура побрела вверх по Тверской, безостановочно повторяя:

— Я-а-ша-а...

Яшка это видел. Он бежал к ней с противоположной стороны улицы, от Елисеевского магазина, и автомобили повизгивали тормозами. В Яшкиной руке была бутылка водки. Черный «БМВ», затормозив, ткнулся в Яшкино бедро, и, оттолкнувшись о его капот ладонью, Яшка высочил на тротуар.

За рулем «БМВ» сидел тот самый господин, «богач». Господин узнал Яшку и видел, как тот подбе-

жал к Шуре и, размахнувшись, ударил ее кулаком по голове.

— Урод, — прорычал красивый господин и переклочил скорость.

...Яша высочил на тротуар и, размахнувшись, ударил Шуру кулаком по голове. От неожиданности Шура обхватила голову руками и согнулась, но, увидев Яшу, закричала сквозь слезы:

— Я-а-ша, ты куда?..

— Куда-куда, на кудыкину гору! — закричал Яша в бешенстве. — За бутылкой вон сбега! Я ж сказал тебе — стой здесь!

— Я не слышала! Шура улыбалась, перестав плакать.

— Не слышала! Когда кино свое смотришь — ни хрена не слышишь! А где инструмент?! — заорал он, сунул кулаком Шуру в бок и побежал туда, к телеэкранам.

Шура побежала за ним, держась за бок и прихрамывая.

Аккордеон стоял на асфальте, никто не собирался его трогать.

— Если б инструмент пропал, убил бы, — объяснял Яшка, успокаиваясь.

Они спустились в подземный переход у «Националя». Здесь было светло и сухо и громко играл джаз-банд. Яшка смотрел на них с ненавистью.

— Яш, а мы на 1-ю улицу сегодня не пойдем? — робко спросила Шура.

— Нельзя на Арбат сегодня, праздник какой-то, правительство там гуляет... — объяснил Яша.

● Исполнители главных ролей Гарик Сукачев и Евгения Смолянинова.